

Lav

САВ Р. МИЛЛЕР

ЗМЕИ
И
ВИРТУОЗЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

М60

Sav R. Miller

Vipers and Virtuosos (Monsters & Muses Book 2)

Русификация обложки Юлии Данилиной

Миллер, Сав Р.

М60 Змеи и виртуозы / Сав Р. Миллер ; [перевод с английского К. В. Бугаевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 416 с. — (LAV. Темный роман).

ISBN 978-5-17-168138-8 (1 оф.)

ISBN 978-5-17-151115-9 (2 оф.)

Райли Келли приехала в Нью-Йорк не с надеждой изменить свою жизнь. После жестокого нападения, произошедшего два года назад, у нее остались шрамы и глубокие травмы, и все, чего жаждет юная девушка, — это нормальной жизни.

Появляется рок-звезда Эйден Джеймс, полная противоположность нормальности. Его счастье всегда было на втором плане. Единственная тайна, оставшаяся в его жизни, — это его темное, трагическое прошлое, которое скрывает его печально известная семья.

Но когда Райли попадает ему на глаза на одном из благотворительных мероприятий, он не может остановить себя, так как одержимость берет верх.

Внезапно девушка его мечты превращается в злобного призрака в его голове.

Теперь Эйдену предстоит разыскать ее и заставить заплатить за то, что она разрушила его карьеру.

Вскоре он узнает, что месть не всегда бывает такой, какую представляешь.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Copyright © by Sav R. Miller. All rights reserved.

© К. Бугаева, перевод на русский язык

В оформлении макета использованы

материалы по лицензии © shutterstock.com

© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-168138-8 (1 оф.)

ISBN 978-5-17-151115-9 (2 оф.)

Пролог

Райли

Кровь. Повсюду кровь.
Она прилипает к моим ладоням.

Обжигает глаза, стекая на лоб.

Запах смерти ударяет в нос, пропитывает воздух, будто ядовитый дым, и я могу думать только о том, как разозлится мама, когда вернется домой.

Пытаюсь пошевелиться, и перед глазами все плывет: причина в крови и внезапной острой боли, пронзившей позвоночник, по крайней мере, мне так кажется. Какой ни была бы причина, пошевелиться я не могу, мне не хватает воздуха.

Что, если он вернется?

Воздух вырывается из легких при каждом выдохе и выталкивает забившую горло густую слизь.

Я ощущаю пульсацию внутри, эхом разносящуюся по телу: толчки в ребрах, в плечах, в ногах.

Мне удается поднять руку и провести по животу. Указательный палец цепляется за края ткани, что кажется странным.

На мне платье.

После холодной ранней весны наконец стало тепло, и потому я в одном платье. Но почему посередине на нем разрез?

Надавливаю кончиками пальцев, и количество выделяемой влаги увеличивается. Мне больно, но я продолжаю, надеюсь получить возможность выяснить, что произошло, и все изменить.

Волны боли не оставляют тело в покое, но по непонятной причине я ощущаю ее больше всего в животе. Похоже на цунами, еще не достигшее берега, я дрожу от глухих ударов по всему телу.

Лежу, истекая кровью, на белом ковре моей матери.

Боже, она будет вне себя от злости.

Собрав последние силы, привожу тело в движение. Я должна уйти отсюда, пока не стало хуже, хотя сейчас трудно представить, что такое возможно.

Стоит пошевелиться, и осколки стекла впиваются в спину, я пытаюсь найти на полу то, что мне поможет.

Шаги, нарочито тяжелые, отдаются в голове. Страх ледяными каплями струится по позвоночнику, будто из подтекающего крана, — тело распознает опасность до того, как это успевают сделать мозг. По затылку бегут мурашки, и я падаю обратно так тихо, как только способен человек, и замираю, надеясь, что этого достаточно. Возможно, они решат, что я мертва, и оставят меня в покое.

Впрочем, больше уверенности мне бы не помешало.

Мужчины, с которыми встречается моя мать, получают удовольствие от резни.

Затуманенное зрение все же позволяет разглядеть склонившуюся надо мной темную фигуру, в руке я заме-

чаю зажатый осколок. Желтые глаза со взглядом маньяка обращены ко мне, на лице появляется зловещая улыбка.

Ремень и штаны его расстегнуты, бордовые следы пальцев и ладоней покрывают шею, лицо и белоснежную некогда рубашку.

Все внутри меня противится, пытается избавиться от неприятного образа, отвращение поднимается из груди, как рвотный позыв, но тело не реагирует.

Я не могу пошевелиться, остается лишь смотреть. Смотреть, как он склоняется и проводит куском стекла по моему лицу. Я чувствую, как он ведет им от уголка губы прямо к точке под глазом. В какое-то мгновение я мысленно выкрикиваю молитву.

Я молюсь, чтобы он не выколол мне глаза, чтобы последнее, увиденное перед вечной кромешной темнотой, не было его лицом.

И потом я молюсь, чтобы он убил меня поскорее.

Самое странное, что я молюсь еще и о том, чтобы мама не очень злилась, когда вернется домой. Зрение и мозг мой постепенно затуманиваются, я проваливаюсь в темноту. Последняя моя мысль о том, что очень много крови.

Она везде.

Глава 1

Райли

Мама говорила, что все самое прекрасное в жизни человек получает через боль.

Потом она ткнула сигаретой о мой живот, будто желая напомнить, что вся красота моя еще в стадии наработки.

Когда она умерла, я знала об ожиданиях людей, чтобы я оплакивала ее. Так должно быть, когда дети теряют родителей.

Но большинство родителей не пытаются продать ребенка своему парню — криминальному авторитету, который в основном занимается продажей людей в сексуальное рабство.

Единственное, о чем я горевала тогда, что не зажгла спичку.

Мой брат Бойд утверждал, что все хорошо; говорил, что убийство изменит меня. Сделает душу темной и надломленной.

О травме скажу, что и меня, скорее, будут преследовать последние крики моей матери чаще, чем

собственные, вызванные болью, которая, возможно, переносилась бы легче, стань и я свидетелем ее страданий.

Я сглатываю знакомые чувства, ощущая спазм в горле, шрам на щеке у рта пульсирует — единственное оставшееся осязаемое напоминание о произошедшем, дающее возможность помнить, но не восстановить перед глазами картину. Брат, как я полагаю, вовсе не лишится от этого сна. На самом деле Бойд выглядит свежее и более отдохнувшим, чем когда-либо, я понимаю это, глядя, как он изучает себя в зеркале ванной комнаты отеля, поправляет запонки и отутюженный темно-серый костюм.

— Райли, — ворчит он, не поворачиваясь, — прекрати так на меня пялиться.

Я опускаю ноги и сползаю с огромной кровати.

— Как пялиться?

Бойд заскрипел челюстью, наверняка пульсирует вена на шее, но под татуировкой этого не видно. Татуировки покрывают все его тело, на нем множество изображений, которые останутся с ним навсегда.

В таком виде, с зачесанными назад темно-русыми волосами и глубокими складками у губ, он больше похож на мафиози, чем на одного из компании своих друзей, ставших настоящими мужчинами.

Мне, вообще-то, не следовало об этом знать. Бойд делал вид, что охранная контора, в которой он работает управляющим, не занимается ничем нелегальным, но я-то все разузнала. К тому же мне известно, что все и вся в маленьком городке Кинг-Трейс в штате Мэн так и или иначе связаны с преступностью.

Он не ответил на мой вопрос.

— Может, я останусь еще на день? Отложу встречу и попрошу в фирме подождать моего возвращения в понедельник.

Перевожу взгляд на огромное окно, за которым двадцатью этажами ниже шумит Пятая авеню. Солнце опускается прямо за Эмпайр-стейт-билдинг, окрашивая небо в приглушенные оттенки оранжевого и розового, город готовится погрузиться в темноту.

Стоит представить, что мне предстоит перемещаться по Нью-Йорку самостоятельно, и по телу бегут мурашки. *Tina*, я сама по себе. На самом деле поездка эта групповая, живу я в номере с двумя девочками — Авророй Джексон и Мелли Симмонс. Бойда здесь вообще не должно быть, но никто не откажет в просьбе, если у вас достаточно денег, чтобы всех заткнуть.

— Ты не должен откладывать дела только для того, чтобы здесь оставаться, — говорю я, наконец оторвавшись от окна. — Мы оба знаем, что твоя контора без тебя плохо работает.

— Я не брал отпуск уже десять лет. Они мне должны.

— Да, и мы договорились, что ты пробудешь здесь три дня, а потом вернешься домой.

— Нет, я останусь, пока буду тебе нужен. — Карие глаза в зеркале теперь обращены ко мне. — Все три дня я наблюдал, как ты медленно уходишь в себя, так что прости, но я не уверен, что одна ты справишься.

Его слова больно кольнули. Стали напоминанием о том, что актриса я не такая хорошая, как считаю. Пальцы сжимаются в кулаки, ногти впиваются в ладони сильнее и сильнее, до ощущения, что больно уже костям. Я глубоко вздыхаю и закидываю ноги обратно на

кровать. Черный лак на ногтях красиво контрастирует с белым одеялом под ними.

— И как мы узнаем, что я могу, если ты не даешь попробовать?

Бойд опирается на край столешницы и смотрит, как я надеваю носки.

— А вдруг я позволю и что-то произойдет?

— Что произойдет? На меня кто-то нападет? Было уже такое, у меня есть ЭКГ и заключение, что физическая активность мне не повредит. — Шутка слетает с губ прежде, чем я принимаю решение промолчать. Под напряженным взглядом брата все внутри вот-вот перевернется.

Он ничего не говорит.

Я выдыхаю, язык набухает и прилипает к небу.

— Я хотела сказать, что нарваться на неприятности можно где угодно. Ты не можешь обеспечить мне безопасность ни в Нью-Йорке, ни в Кингс-Трейс. И какой тогда смысл оставаться?

Он склоняется над раковиной, поворачивает голову и вскидывает бровь.

— Тебе не приходило в голову, что со мной будет лучше, чем одной?

— Но я ведь не буду одна. Со мной соседки, забыл?

Бойд усмехается, открывает дверь номера и выглядывает в пустой коридор.

— Верно. До сих пор они не были тебе хорошей компанией.

Он прав; школьные правила велят всем, живущим в одном номере, всегда держаться вместе, но Аврора и Мелли использовали каждый шанс остаться вдвоем. Подозреваю, это связано с тем, что я не стремлюсь

поддерживать вежливый разговор с двумя девушками, слишком активно на том настаивающими.

Есть, конечно, вероятность, что причина в том, что я все еще для них новенькая, из «нехорошего района». Можно переселить девушку из трейлера и засыпать деньгами, но это вовсе не значит, что одноклассники перестанут считать ее отбросом.

Мне, собственно, наплевать. Они уверены, что я знаю об этом, но моя свобода передвижения зависит от того, готовы ли они быть со мной рядом. Иначе Бойд ни за что не уедет без меня.

— Всего один день. — Я откидываюсь назад, опершись на руки. — Если что-то случится, пока тебя не будет рядом, я соглашусь всегда оставаться под твоим присмотром.

Он долго молчит, взгляд блуждает по лицу, словно он хочет его запомнить. Я нервничаю и ерзаю на месте, страх услышать «нет» стрелой пронзает спину, заставляя сесть ровно.

Пытаюсь улыбнуться, вытягиваю вперед по очереди обе ноги и скрещиваю. Сама порядочность и чистота. Фиолетовое худи с надписью «Grateful Dead» и пушистые фиолетовые носки.

Может, если я сыграю абсолютное спокойствие, он поверит?

Восприятие и есть реальность, подобный бред любит нести его подружка Фиона.

В какой-то момент мне кажется, что брат уничтожит меня взглядом, он тяжело переводит дыхание, отходит от столешницы с раковиной и направляется в комнату. Откинув руку, смотрит внимательно на массивный «Ролекс» на запястье.

— Обязательные звонки каждый час до отхода ко сну. — Он указывает на меня пальцем. — Если пропустишь хоть один, я вылечу сюда первым же рейсом. Полагаю, не стоит напоминать, что я найду тебя везде, где бы ты ни была.

В груди начинает бурлить ликование, я спрыгиваю с кровати и бросаюсь ему на шею. Лбом я достаю только до плеча, и обхватываю руками за талию.

Одна большая ладонь ложится мне на спину между лопатками; прикосновение едва осязаемое, легкое, будто я такая хрупкая, что можно сломать. Так бывает, когда у другого человека переломы еще не вполне зажили и ты боишься неловким движением навредить ему.

Я отстраняюсь раньше, чем он успевает ощутить, как распутываются сами собой тугие узлы в груди, и растягиваю губы в делано-счастливой улыбке.

Не знаю, поверил он мне или нет, но, по крайней мере, больше ничего не говорит.

Позже, убедившись, что Бойд уже на заднем сиденье такси, я прощаюсь, боясь, что он передумает, и мчусь обратно в гостиничный номер. Аврора и Мелли возвращаются, как раз когда я выхожу из ванной. От пакетов с покупками ломятся руки, обе проходят в общую спальню и скрываются за дверью, когда я оказываюсь в поле их зрения.

Обида обжигает горло, но я сворачиваю налево и прохожу в свою комнату. Там плюхаюсь на кровать, начиная жалеть, что отправила брата домой.

Решаю немного поработать над макетом веб-сайта для портфолио на случай, если решу учиться на веб-дизайнера, окончив школу. После нападения и смерти

мамы психотерапевт посоветовал мне найти хобби, чтобы избежать стагнации, поэтому в последние два года я увлеклась веб-дизайном.

Я не эксперт, но полагаю, это увлечение в значительной степени повысило мой уровень серотонина.

Стук в дверь заставляет оторваться от экрана. Я сажусь на кровати, откладывая ноутбук в сторону и вижу, как в щель приоткрытой двери просовывается голова Мелли.

Ее платиновые волосы теперь окрашены в королевский синий цвет, она быстро заправляет за ухо упавшую на лицо прядь и оглядывает комнату.

— Мистер Келли уехал? — спрашивает она, и я прикусываю щеку, чтобы не закатить глаза от ее официального обращения. Будто я не знаю, что каждая девушка в нашей школе млеет при виде моего брата.

Вчера вечером, принимая душ, я слышала, как о нем восхищенно отзывалась Аврора. Брат тоже это слышал и отправился в фойе, звонить своей девушке.

— Ушел, пока вас не было, — отвечаю я, стараясь выглядеть безразличной, беру с тумбочки у кровати телефон, разблокировав, принимаюсь листать странички в социальной сети, делая вид, что присутствие Мелли мне мешает.

— Он необыкновенный. — Мелли врывается в комнату, распахнув дверь настежь. Она несет пакет из химчистки, откуда извлекает нечто темно-зеленое из шелковистой ткани и бросает мне.

— Надевай быстрее.

Я ловлю вещь на лету и хмурюсь.

— Что это?

— Это платье, тролль. — В комнату заходит Аврора, ее бронзовая кожа подчеркнута ярко-розовым

платьем, украшенный блестками подол заканчивается на середине бедра, предоставляя возможность любоваться подтянутыми ногами. Остановившись в центре, она принимается закалывать черные вьющиеся волосы.

— Эй, — одергивает ее Мелли с многозначительной улыбкой.

Аврора закатывает глаза, пожимает плечами и разворачивается к зеркалу.

— Да, ладно, Райли знает, что я пошутила. Но что это за вопрос?

От жара щеки становятся розовыми, шрам вспыхивает и становится ошутим.

Я раскладываю на коленях тонкую ткань, отмечая глубокий вырез.

— Круто, — медленно говорю я и сразу смущаюсь. — Вчера мы ходили в оперу, а до этого в «Ла Бернардин», куда сегодня?

— На благотворительный вечер. — Аврора приподнимает бровь. — Ты ведь знаешь о благотворительности? — Мой глаз непроизвольно дергается. — Ведь семья подруги твоего брата много делает для тех, кто нуждается, — добавляет она и усмехается.

У меня появляется желание шлепнуть ей по губам, хотя она говорит правду.

Семья Айверс — образец щедрости, а подруга Бойда Фиона после смерти ее мамы сама руководит сбором средств. И все же, мне кажется, Аврору интересует совсем не это.

— Да, думаю, можно сказать, что мне привычно общаться с теми, кто ничего не добился в жизни, — говорю я и пристально сморю на нее. В груди вспыхи-